

Д.О. БОНДАРЬ,
Одесский национальный экономический университет,
 Одесса, Украина
dmitry_bondar@mail.ru

ТЕОРИЯ ДЕНЕГ К. МАРКСА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ДЕНЕГ

Статья посвящена вопросам использования марксистской теории денег в качестве фундамента институциональных исследований денег. Показано, что недостаточное внимание исследователей, работающих в рамках институциональной теории денег, к фундаментальным аспектам теории денег может приводить к ошибкам и уменьшать объяснительную силу их концепций. Теория денег К. Маркса является более приемлемым, нежели неоклассическая теория денег, фундаментом для более конкретных исследований денег, поскольку для последней вопросы природы денег представляют серьезные теоретические затруднения. Существующие примеры использования теории денег К. Маркса в институциональном исследовании денег демонстрируют актуальность и перспективность дальнейших исследований в этом направлении.

Ключевые слова: институциональная экономика, деньги, функции денег, метод исследования денег, К. Маркс, М. Аглиетта.

Стаття присвячена питанням використання марксистської теорії грошей у якості фундаменту інституціональних досліджень грошей. Показано, що недостатня увага дослідників, що працюють у межах інституціональної теорії грошей, до фундаментальних аспектів теорії грошей може призводити до помилок та зменшувати пояснювальну силу їх концепцій. Теорія грошей К. Маркса є більш прийнятним, ніж неокласична теорія грошей, фундаментом для більш конкретних досліджень грошей, оскільки для останньої питання природи грошей представляють серйозні теоретичні ускладнення. Існуючі приклади використання теорії грошей К. Маркса в інституціональному дослідженні грошей демонструють актуальність і перспективність подальших досліджень у цьому напрямку.

Ключові слова: гроші, функції грошей, метод дослідження грошей, К. Маркс, М. Аглиетта.

D.O. Bondar

K.Marx's theory of money and institutional theory of money

This article is dedicated to Marx's theory of money application as a base for institutional money research. It is proved that the lack of attention paid by institutional money theory researchers to funda-

mental aspects of money theory can lead to error commitments and reduce the explicative force of their conceptions. Marx's theory of money is considered to be more acceptable base for more concrete research on money than neoclassical money theory, as far as the last one meet serious theoretical difficulties in explanation of the nature of money. The existing examples of Marx's theory of money applying in institutional money research demonstrate timeliness and perspectiveness of further research on this direction.

Key words: money, functions of money, money research method, K.Marx, M.Aglietta.

Деньги являются ключевым элементом в системе экономических отношений, а теория денег является ключевым элементом в системе экономических знаний. Мировая валютная система достигла высокого уровня развития, но дискуссии о путях ее реформирования вновь приобрели актуальность. В этих условиях необходимо максимально конкретное познание денег, их природы, сущности, механизма их функционирования и развития. Конкретизация знаний о деньгах требует междисциплинарного исследования этого объекта, создания общей теории денег. Одним из важнейших направлений конкретизации теории денег, созданной в рамках фундаментальных экономических наук, в частности марксистской политической экономии, является институциональная теория денег. Однако исследователи, работающие в русле институциональной теории денег, зачастую пренебрегают более фундаментальными уровнями теории денег, что делает их концепции более поверхностными, а иногда приводит к некорректным выводам.

В современной литературе по теории денег, особенность которой состоит в возрастающей степени ее междисциплинарности, встречаются ссылки на исследования антропологов, относящиеся к архаическим, традиционным обществам. В какой мере результаты этих исследований могут быть использованы в познании современных денег? Например, в ис-

© Д.О. Бондарь, 2014

<http://www.elibrary.ru/issues.asp?id=37579>

<http://www.instud.net>, <http://www.nbuv.gov.ua/>

следованиях о природе денег приводятся свидетельства, в соответствие с которыми предметы, являющиеся исторически первыми формами денег, имели магические, сакральные свойства и именно благодаря этим свойствам они становились всеобщим товаром [см., напр., 3, с. 76; 16, с. 275-276]. Встречаются и утверждения, что деньги существовали еще в империях древности, где не было не то, что товарного производства, но даже торговли, где все имущество принадлежало правителю, а блага распределялись централизованно [см., напр., 1, с. 132-133; 7, с. 724]. Чтобы понять значение таких примеров достаточно ответить на вопрос: можно ли аргументировать ту или иную концепцию сущности и природы денег фактами из истории денежного обращения СССР? Опровергает ли теория денег социалистического общества теорию денег К. Маркса? Очевидно, что для того, чтобы построить теорию денег при социализме, необходимо сначала построить теорию денег при капитализме, точнее сначала построить теорию денег в товарном производстве вообще, чему и посвящен первый отдел первого тома «Капитала». Это даст понимание денег в чистом виде, которое затем может быть конкретизировано усложняющими обстоятельствами переплетения товарных и непосредственно общественных форм связи при социализме. То же и с деньгами архаических обществ. Только на основе понимания денег как атрибута товарного производства вообще возможно понимание денег, обнаруживаемых в традиционных обществах, точнее, зародышевых форм денег и феноменов, в которых лишь угадываются очертания денег. Роль истории зарождения денег в глубокой древности для разработки теории денег можно сравнить с ролью истории первоначального накопления капитала для разработки теории прибавочной стоимости. Для исследователя денег, опирающегося на принцип историзма, понимающего деньги как рождающиеся, развивающиеся и гибнущие, история денег добуржуазных эпох, как и денег при социализме, имеет важное теоретическое значение. Если появление и распространение денег привело к подрыву непосредственно общественных форм связи между производителями, то процесс исчезновения денег представляет собой развитие этих форм связи и их переплетение со связями вещными, товарными. В этом контексте деньги современного капитализма можно сравнивать как с деньгами классического капитализма, так и с деньгами древности, а также с деньгами

при социализме. В сравнении может быть познана степень развития непосредственно общественных отношений, опосредующих приобретение потребительных стоимостей индивидом. Деньги рождаются в среде непосредственно общественных отношений, в ставшем состоянии они исключают эти отношения, а процесс их прехождения связан с развитием этих отношений на новом уровне.

Сказанное позволяет сформулировать ряд возражений на следующий тезис: «Те формы, которые деньги приобрели в конце XIX века, отличаются от форм денег XX и XXI веков. Но сущность реально проявляется и познается только через формы. Поэтому неразвитость форм не позволяет вскрывать более глубокую сущность. И наоборот, каждый новый этап в развитии функционирования денег дает основу для углубления понимания их сущности» [6, с. 137]. Во-первых, изменение форм денег еще не есть изменение их сущности. Товар-эквивалент в форме скота не отличается по содержанию от товара-эквивалента в форме золотого слитка, а декретные деньги в форме разменной монеты не отличаются по содержанию от декретных денег в форме бумажных денег. Во-вторых, формы денег в XIX веке оказались достаточно развитыми, чтобы в «Капитале» К. Маркса была разработана теория денег вообще в рамках теории товарного производства вообще. В-третьих, изменения в содержании денег могут не отражаться в изменении их формы. Деньги СССР по форме ничем не отличались от современных денег, однако это не дает оснований утверждать, что их содержание тождественно. В-четвертых, познание «новых» форм денег не обязательно есть вскрытие их «более глубокой сущности», поскольку, например, стоящие за деньгами СССР элементы непосредственно общественной связи не имеют никакого отношения к сущности денег как атрибута товарного производства. В-пятых, эволюция денег не есть простая смена форм денег в направлении идеальной формы, наиболее адекватно выражающей сущность денег, и поэтому позволяющей наиболее глубоко познать ее. Такой подход игнорирует диалектику логического и исторического.

Существует мнение, что «...“новые” виды денег приобретают и новые функции, которые принципиально меняют в обществе нормы отношений, мотивацию поведения и установки в деятельности стратегий политико-экономических агентов» [14, с. 116]. «Деньги как явля-

ние хозяйственное, социальный феномен, институт, инструмент обеспечения социальных связей, транзакций в обществе эволюционируют параллельно с развитием общества. Сущностные изменения, которые происходят в процессе этой эволюции, предопределяют появление новых форм, новых функций денег» [см. 16, с. 15-16]. Авторы подобных утверждений не уточняют, о каких функциях денег идет речь. А. А. Гриценко справедливо замечает, что деньги обладают множеством функций, например, функцией случайного выбора во время подбрасывания монетки или функцией подарка [см. 5, с. 13], вопрос заключается в том, каковы основания подобной классификации. В рамках предмета политэкономической теории денег новые виды денег, а тем более формы денег, не приобретают новых функций по сравнению с деньгами, которые были объектом исследования К. Маркса. В первом разделе «Капитала» в рамках теории товарного производства вообще разработана теория денег вообще. Критерием классификации функций денег является метаморфоз товара, смена формы его стоимости. Первый метаморфоз осуществляется идеально – функция меры стоимости; полный метаморфоз товара, представляющий собой превращение товара в деньги, а затем денег в товар – функция средства обращения; первый метаморфоз не дополняется вторым – сокровище; второй метаморфоз происходит раньше первого – средство платежа; в метаморфозе товара появляется дополнительное звено в виде обмена валют – мировые деньги. Способов использования у денег много, среди них К. Маркс отмечал чудесное свойство превращать «...верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господин, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость» [20, с. 150]. Но эти проявления денег он не выделил в качестве их функций, потому что с точки зрения осуществления товарного метаморфоза они несущественны. Указанный критерий классификации функций денег избран не случайно, а выработан на этапе исследования, предшествующем анализу функций денег, на этапе исследования природы денег как результата развития простой формы стоимости, дающего понимание сущности денег как особенного товара в роли всеобщего эквивалента.

Не только в литературе по институциональной теории денег, но и в работах по теории денег вообще, критериям классификации

излагаемых функций, не говоря уже о логике их исследования и изложения, не придается должного внимания. Это ведет, например, к тому, что в одном ряду излагаются такие функции денег, как «средство обращения и платежа», «мера стоимости», «средство накопления» и «социальные отношения» [см. 16, с. 277-278], выделяется «главная, социальная, всеобщая или абстрактно-хозяйственная функция денег» [см. там же, с. 263]. Утверждается, что «в процессе перехода от архаической к экономической формации появляется и приобретает доминирующее значение количественная функция денег как меры стоимости. Соответственно изменяются другие и появляются новые их функции» [там же, с. 277]. Следовательно, функция меры стоимости не является логически и исторически первой функцией денег как атрибута товарного производства, а функции денег и функции сакральных или статусных предметов, рассматриваемых антропологами как прообразы денег, не связанные ни с товарным производством, ни даже с товарным обращением, ставятся в один ряд.

Исследование денег как института приводит некоторых авторов к обнаружению у денег информационной функции. Утверждается, что «...институты выполняют в обществе информационную функцию, так как выступают в роли некоторого критерия, информационного ориентира, с помощью которого оценивается «мера» соответствия отдельного типа поведения коллективно выработанной норме. Деньги в сфере экономического обмена также являются носителями информации о количественных пропорциях обмениваемых товаров, выраженной в форме цены, и выступают тем самым в роли информационного ориентира» [12, с. 18]. В данном случае функция денег как меры стоимости отождествляется с информационной функцией цены. Товары идеально выражают свою стоимость в деньгах, но информацию о средних условиях производства товара несут не деньги, а цена товара. Деньги реализуют цену товара, именно поэтому на уровне абстракции общественного труда, на уровне содержания стоимостиденьги определяются как средство стихийного учета общественного труда. Продавец товара, меняя его на деньги, получает информацию о том, что его частный труд по производству данного товара является общественным, что этот труд включен в совокупный труд общества.

Встречается и смешение понятий «деньги» и «капитал». Например, утверждается:

«При всей общности свойств, которыми обладают деньги... на каждом значимом историческом отрезке, некоторые из них приобретают доминирующую для этого периода характеристику. 98% трансакций, приходящихся на денежно-финансовые операции, свидетельствуют о спекулятивном свойстве современных денег» [15, с. 65]. Использование денег в целях получения прибыли есть превращение денег в капитал, однако это превращение несколько не меняет сущности и функций денег. К. Маркс неоднократно подчеркивал это и специально посвятил этому вопросу двадцать восьмую главу третьего тома «Капитала». Анализ современных денег опирается на факты современного денежного обращения, однако «эмпирически наблюдаемое здесь движение денег выражает поэтому вовсе не только и даже не столько природу денег как таковых, сколько природу другого предмета, исторически более позднего, а потому и логически более конкретного, – капитала» [10, с. 252]. Аналогичную ошибку допускал Д. Рикардо, который «...постоянно путал определения денег как таковых с определениями финансового капитала, который осуществляет в деньгах свое движение, т.е. с определениями, которые к природе денег как таковых абсолютно никакого отношения не имеют. И это прямое последствие неисторичности его взгляда» [там же].

Недостаточное внимание исследователей, разрабатывающих институциональную теорию денег, к теории денег К. Маркса приводит к неточностям в их концепциях. Применение системы категорий марксистской теории денег позволяет обнаружить эти неточности и увеличить объяснительную силу этих концепций. Это дает основания поставить вопрос о возможности использования этой теории как основы для более конкретных исследований денег, к которым, в частности, относятся и институциональные теории денег.

Целью данной статьи является исследование связей между теорией денег, разрабатываемой в рамках предмета и метода марксистской политической экономии, и институциональной теорией денег.

И политэкономическая теория денег, и институциональная теория денег, в виду ограниченности своего предмета и метода, дают лишь абстрактное понимание денег. Однако это теории не одного уровня: институциональная теория денег конкретизирует политико-экономическую теорию денег и предполагает ее как свое основание.

Популярным подходом к исследованию эволюции денег является ее изучение с точки зрения борьбы интересов. Именно интересы тех или иных социальных групп в этом случае рассматриваются как движущая сила этой эволюции. Нельзя отрицать, что экономические интересы влияют на эволюцию денег, а история денег может быть интерпретирована с точки зрения классовых интересов или, в более общем виде, борьбы различных групп интересов. Существуют различные концепции в рамках этого направления. Особенностью концепции Дж. Хикса является то, что его «интерпретация истории денег в категориях государственных финансов... находится в противоречии с интерпретацией ее с точки зрения классовых интересов (должники против кредиторов), более распространенной у историков экономики» [28, с. 124]. Эволюция денег под влиянием потребностей правителя или правительства финансировать свои расходы – это тоже эволюция денег как борьба интересов, интересов правителя и его подданных или правительства и агентов рынка. М. Аглиетта и А. Орлеан тоже рассматривают непрерывную конкуренцию денег, вызывающую сдвиги в денежных системах, как следствие борьбы интересов. «Эти сдвиги инициируются некоторыми социальными группами, стремящимися освободиться от денежных пут, которые они считают для себя обременительными или противоречащими их интересам» [1, с. 34]. «Поскольку денежная норма является принудительной для всех действующих лиц и влияет на их стратегии, ее постоянно пытаются обойти... некоторые агенты могут попытаться установить более благоприятные для себя счетные единицы, могут отказаться от тезаврации денег или попытаться совершить обмен без использования денег, они могут также постараться ввести частные деньги» [там же, с. 36].

В рамках подхода к эволюции денег с позиции интересов исследование остается на уровне явлений. Речь идет не о преимуществе эволюционной концепции природы денег над рационалистической концепцией. Во-первых, потому что история денег позволяет утверждать, что одни виды и формы денег возникали стихийно, а другие сознательно конструировались и организованно вводились в обращение. Хотя исторически деньги «...появились задолго до того, как государство начало придавать им силу законного платежного средства» [26, с. 130] и логически государство не является необходимым для их возникновения.

Во-вторых, потому что признание стихийности процесса возникновения денег еще не означает верного понимания их природы. Например, «по Ф. фон Хайеку, непреднамеренные последствия сознательной человеческой деятельности являются причиной возникновения и эволюции институтов... К институтам, возникшим непреднамеренно... К. Менгер и Ф. фон Хайек относили... и деньги» [27, с. 5]. Однако для понимания природы денег главным является не факт невозможности полностью контролировать и предсказать все возможные последствия человеческой деятельности, а тот факт, что деньги появляются необходимо. Показать необходимость возникновения денег – это та задача, с которой до сих пор не удалось справиться неоклассической теории и которую решает теория денег К. Маркса. Если в рамках вальрасианской микроэкономики до сих пор проблематично ввести деньги в теоретическую модель, то в рамках марксистской политической экономии они выводятся с необходимостью из лежащих им категорий как результат движения объективных противоречий товарного производства. Как отмечал еще Д. И. Розенберг, положения, что деньги возникли стихийно, а не в результате сознательной деятельности людей, придерживается большинство экономистов, но «...следует помнить, что, по Марксу, деньги неотделимы от товара и что они получаются в “результате раздвоения товара на товар и деньги”, что товар и деньги образуют единство: они друг друга предполагают, как предполагают друг друга относительная и эквивалентная формы. Следовательно, деньги и товар – одного и того же происхождения, т. е. проблема происхождения денег является частью общей проблемы происхождения товарного хозяйства. Такое понимание генезиса денег чуждо и тем буржуазным теоретикам, которые считают их продуктом стихийного развития» [22, с. 98]. В-третьих, потому что жесткое противопоставление рационалистической и эволюционной концепций ведет к абстрактному пониманию природы денег.

Любое событие в экономике, в том числе и возникновение денег как таковых или нового вида денег, осуществляется не иначе, как через сознательно действующих в определенных интересах индивидов. Это, однако, не означает, что за этими действиями не скрывается объективная закономерность, познание которой и составляет задачу политэкономического исследования. В этом смысле рационалистическая и эволюционная концепции природы де-

нег не исключают друг друга, а находятся в отношении явления и сущности. Материальное производственное отношение, в том числе и овеществленное в деньгах, не исключает свою институционализацию в форме законов или соглашений. Положение о том, что деньгам необходима легитимация, не ново. Его высказывали как марксисты [см. 25, с. 93], так и институционалисты [см. 1, с. 90-92]. Но отношение эволюционной и рационалистической концепций состоит не только и не столько в факте закрепления в определенных законах и нормах существующей хозяйственной практики.

С точки зрения индивида возникновение денег действительно нельзя представить иначе, как следующим образом: в определенный момент индивид осознает, что трудности бартерного обмена могут быть преодолены посредством употребления товара-посредника, который он и начинает использовать. Не имеет значения, кто первым в каждом исторически конкретном случае осознал это удобство: отдельные изобретательные участники товарного обмена или государственная власть. Не имеет также значения, как именно, постепенно, т.е. стихийно, или одновременно, в результате некоторого соглашения, все агенты рынка стали использовать для обмена деньги, важен сам этот факт. Существует целый ряд механизмов возникновения институтов, но в данном случае эти детали не имеют значения, поскольку речь идет о том, что каким бы из перечисленных вариантов не развивались события, эти события не исключают того факта, что действия индивидов были объективно обусловлены самим характером товарного производства, его имманентными противоречиями.

С точки зрения индивида причина возникновения денег лежит в сфере обмена, в неудобствах бартера или в невозможности сбережения всех особенных товаров, которые могут потребоваться в будущем. Деньги поэтому предстают как потребительная стоимость, позволяющая эти неудобства преодолеть, т.е. как техническое средство обмена потребительными стоимостями, как вещь. С точки зрения системы общественного производства причина возникновения денег лежит в сфере производства, а именно в определенной общественной форме этого производства. Соответственно деньги предстают не просто как потребительная стоимость, не просто как вещь, а как «меновая стоимость, отделенная от самих товаров и существующая наряду с ними как самостоятельный товар...» [21, с. 87], как общественное

отношение, носителем которого эта вещь становится. Деньги не просто облегчают обмен товарами – без денег товарное производство вообще не может существовать [см. 23, с. 517; 1, с. 38].

Рассмотренные положения о природе денег, т.е. о причинах и механизме их возникновения, справедливы и для эволюции денег. Ее необходимо познать как эндогенный объективный процесс, в ее необходимости, а не просто как время от времени происходящие и эмпирически фиксируемые субъективные волевые акты изобретения новых форм и видов денег, приносящих выгоду определенным социальным группам или государствам. Очевидно, что становление и смена мировых денежных систем происходили в интересах капитала, а не наемного труда, но развитие материального производственного отношения происходит не просто по воле той или иной социальной группы. Оно лишь проявляется в такой форме, по содержанию же это объективный процесс, движение имманентного данному отношению противоречия.

Механизм возникновения денег в результате развития формы стоимости был изложен К. Марксом в первом отделе первого тома «Капитала». М. Аглиетта и А. Орлеан с успехом применили идею о противоречии, содержащемся в простой форме стоимости, как причине возникновения денег в качестве исходного пункта своего институционального исследования природы денег [см. 1, с. 29]. Они рассматривают тот же, что и К. Маркс, процесс выделения из среды особенных товаров сначала нескольких, а затем одного особенного товара, становящегося всеобщим эквивалентом, но делают это через призму поведения индивидов в процессе миметической конкуренции [см. там же, с. 80-90]. Таким образом, эта теория конкретизирует теорию денег К. Маркса, дополняя анализ объективного механизма появления денег анализом его проявления в сознательных действиях индивидов. Это исследование развивает и политико-экономическую теорию денег, поскольку его авторы показали, что схема развития формы стоимости актуальна не только для исследования возникновения денег на заре товарного производства. «Деньги – даже в рамках совершенно зрелых экономик – должны постоянно доказывать свою легитимность, подтверждая лежащее в их основе доверие и борясь с беспрестанным появлением эмбриональных денег, ставящих под вопрос их монополию» [там же, с. 32]. Схема становле-

ния денег из непосредственного обмена товарами, разработанная в «Капитале», применима для познания механизма конкуренции товаров за роль денег в периоды денежных кризисов и конкуренции денег между собой – процессов, которые происходят на протяжении всей истории денег и прекратятся лишь с исчезновением товарного производства. Правда эволюцию денег в контексте исчезновения товарного производства эти авторы не рассматривают и эта недостаточная последовательность в применении принципа историзма приводит к не вполне корректной трактовке эволюции денег [см. 4, с. 144-147].

М. Аглиетта и А. Орлеан подчеркивают, что неоклассическая теория неспособна предложить удовлетворительное объяснение природы денег из-за объектного подхода, в то время, как деньги суть институт, общественное отношение [см. там же, с. 60-64], что подчеркивал и К. Маркс еще в «Нищете философии», говоря: «Деньги – не вещь, а общественное отношение» [см. 18, с. 110]. Неверно полагать, что «институциональная составляющая в современных условиях неопределенности, нарушения экономического порядка и спекулятивной стратегии является определяющей при объяснении природы денег экономики начала XXI века» [15, с. 65]. Любые деньги, т.е. деньги вообще, представляют собой институт, «через посредство денег субъекты поддерживают отношения с чем-то иным, чем они сами, – социальным, выступающим в качестве института» [там же, с. 22], но это не опровергает их товарной природы, того факта, что деньги возникают как результат развития формы выражения стоимости товара. Исследование французских институционалистов подтверждает этот тезис. При этом они утверждают, что стоимость не предлежит логически деньгам, что деньги нельзя познать, если пытаться вывести их из стоимости, будь то вальрасианская или марксистская теория стоимости [см. там же, с. 21]. «"Стоимость versus деньги" – такова... основная теоретическая альтернатива» [там же, с. 27].

Конечно, если пропорции общественно-го производства установлены до обмена, как это предполагается в теории общего равновесия положением о том, что «...обмен не должен совершаться до определения цен равновесия» [24, с. 81], то деньгам остается лишь роль средства, облегчающего обмен. Но в марксистской политической экономии стоимость предлежит деньгам логически не потому, что она

известна до обмена товарами, а потому, что деньги – результат развития формы проявления стоимости. Природа денег познается с помощью анализа развития формы стоимости, который предполагает анализ содержания стоимости, т.е. того, что проявляется. Невозможность разрешить противоречие между общественным характером труда и частной формой присвоения его продукта и выражается в виде невозможности разрешения противоречия относительной и эквивалентной формы стоимости при непосредственном обмене товара на товар. «Товарный индивидуализм» и «разобщение» [1, с. 53-57], из которых упомянутые французские авторы выводят необходимость денег, оказываются лишь переименованной экономической обособленностью, которая и является причиной существования основного противоречия товарного производства. Следствием экономической обособленности товаропроизводителей является и «неопределенность», которая в сочетании с «требованием защиты и потребностью в обществе» рождает деньги [см. там же, с. 64-74]. «Неопределенность» говорит о том, что труд товаропроизводителя является непосредственно частным, а «потребность в обществе» означает, что этому труду нужно реализоваться в качестве общественного труда. Но в таких категориях авторы анализируемой работы проблему не рассматривают. Они ограничиваются движением противоречий на уровне формы стоимости в отрыве от системы категорий товарного производства вообще. Противоречия формы стоимости не рассматриваются как форма проявления противоречий, лежащих на уровне содержания стоимости, на уровне общественного труда. Этот разрыв проявляется и на уровне функций денег: излагается только три функции денег и отнюдь не случайно мера стоимости переименовывается в счетную единицу [см. там же, с. 113-121]. Разработанная К. Марксом теория товарного производства вообще, элементом которой является теория денег, представляет собой систему категорий, развитую методом диалектического восхождения от абстрактного к конкретному. На сегодняшний день нет теорий, настолько же органично связывающих теорию стоимости и теорию денег.

Анализ развития формы стоимости показывает, что исторически процесс превращения продукта в товар есть в то же время процесс превращения товара в деньги. Более того, можно утверждать, что деньги являются предпосылкой развитого товарного производства.

Можно говорить и о том, что только с появлением денег товары начинают обмениваться по стоимости, и о том, что «без денег товарная экономика не может избежать хаоса» [там же, с. 99]. Поскольку же предметом первого отдела первого тома «Капитала» является ставшее товарное производство, а не история его становления, то стоимость в этом смысле предполагает деньги. Но все эти аргументы опровергают тезис «стоимость логически предшествует деньгам» настолько же, насколько тот факт, что товарное производство, а значит и стоимость, приобрело всеобщий характер только при капитализме, доказывает, что капитал необходимо исследовать прежде стоимости.

Феномены выполнения различными товарами различных функций денег, параллельного обращения денег, а также выполнения товаром-эквивалентом некоторых функций денег не самостоятельно, а посредством своих знаков, являются объектами политэкономической теории денег. Не является объектом этой теории употребление одного вида денег на различные цели. Такой объект избирают авторы, работающие в рамках теории «множественности денег», автором которой является В. Зелизер. «“Множественность денег” означает, что деньги накапливаются, сберегаются и тратятся по-разному, в зависимости от источника их происхождения и целей, на которые они направляются» [17, с. 36]. Понимание психологических тонкостей использования индивидами денег, бесспорно, имеет значение для общей теории денег, а также для направлений экономической теории, исследующих механизмы принятия решений и другие субъективные аспекты экономической деятельности индивидов. Важное значение имеет эта теория и для денежной политики. Однако с точки зрения политэкономической теории денег, как справедливо отмечает Н. Н. Зарубина, в концепции В. Зелизер «...по существу речь идет не о реально различных типах денежных единиц, а о том, как люди создают временную и локальную множественность на основе единых унифицированных денег, наделяя их различными смыслами в ходе своих социальных практик» [8, с. 9]. «Но как бы рациональный сберегатель не обозначал деньги для себя, они все равно останутся по существу теми же абстрактными и универсальными деньгами, лишь в его, и только в его индивидуальном сознании временно связанными с конкретной целью» [там же]. Только в этом смысле можно согласиться с тем, что «нет никаких единых, уни-

версальных, всеобщих денег – есть множественные деньги; люди производят различные денежные средства для многих, а возможно, и для каждого типа социального взаимодействия, подобно тому, как они используют разные языки для различных социальных контекстов» [9, с. 53]. В подобном духе высказываются и другие социологи, исследующие деньги [см., напр., 2, с. 120-122]. Можно говорить о множественности денег в том смысле, что индивид выбирает различные валюты для различных операций: национальную валюту для одних, иностранную валюту для других, частные виртуальные или локальные комплементарные валюты – для третьих. В этом проявляется множественность социальных связей индивида, его вещная связь с различными сообществами. Но говорить о множественности форм денежных единиц, понимая под этим «...бумажные купюры, монеты, облигации, акции, векселя и т.п.» [там же, с. 122], значит становиться на точку зрения агрегатного подхода к сущности денег, когда не только деньги не отличаются от знаков денег, но и деньги как деньги не отличаются от фиктивного капитала.

А. Ляско на основании теории множественных денег делает вывод: «...Практика обращения денег формируется под воздействием социальных норм и правил, регулирующих ту или иную сферу обращения денежных инструментов... Следовательно, участники денежных обменов должны иметь различные основания для доверия к деньгам в зависимости от конкретного социального окружения, в котором осуществляются те или иные монетарные операции» [17, с. 36-37].

Одним из важнейших практических выводов институциональной теории денег является то, что конечная цель денежной политики – поддержание доверия [см. 1, с. 12; 3, с. 63-64]. Функционирование денег основано на том, что продавец, принимающий их в уплату за товар, верит, что сможет приобрести на них товар у других участников рынка. Это методическое доверие, наряду с которым можно выделить иерархическое и этическое доверие [см. 1, с. 110-113]. Только в контексте веры агентов рынка в то, что полученные ими деньги будут приниматься другими участниками обмена, можно утверждать, что «даже золото было фидуциарными деньгами» [там же, с. 11]. Однако если под фидуциарными деньгами, как это и принято, понимать кредитные деньги, то под общим наименованием оказываются деньги и знаки денег, поскольку кредитные деньги, в

отличие от золота, являются не эквивалентом, а знаком эквивалента. Эквивалент и знак эквивалента – не одно и то же. «Пока производство идет бесперебойно, это забывается. Кредит, тоже как общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно доверие к общественному характеру производства является причиной того, что денежная форма продуктов кажется чем-то мимолетным и идеальным, простым представлением» [19, с. 121]. Именно поэтому даже в условиях официальной демонетизации золота и становления мировой валютной системы, основанной на декретных деньгах без золотого масштаба цен, золото рассматривается рядом авторов как деньги чрезвычайных ситуаций и важный элемент резервов центральных банков [см. 11, с. 44-46; 13, с. 16].

С отсутствием доверия к национальной валюте связана ее низкая конвертируемость на международном уровне и долларизация на национальном уровне. Это доверие в первую очередь связано с ожиданиями относительно динамики меновой стоимости данной валюты, а также относительно того, какие товары можно будет приобрести за данную валюту и каковы перспективы превращения данной валюты в капитал, в том числе и перспективы спекуляции этой валютой. Безусловно, доверие к деньгам играет важную роль в стабильности покупательной способности денег. Однако доверие объясняет стоимость денег не больше, чем стоимость любого другого товара, поскольку влияние доверия на покупательную способность денег – это частный случай влияния ожиданий на меновую стоимость товаров. Так что признание роли доверия в колебаниях меновой стоимости денег не избавляет от необходимости ответа на более фундаментальный вопрос о стоимости денег, а значит и о связи теории стоимости и теории денег.

Итак, недостаточное внимание исследователей, развивающих институциональную теорию денег, к теории денег К. Маркса, приводит к уменьшению объяснительной силы этих теорий как по причине возникающих вследствие этого ошибок, так и по причине ограничения исследований уровнем явлений. Институциональная теория денег предполагает фундаментальную теорию денег. Марксистская политэкономическая теория денег может использоваться в качестве такой фундаментальной основы институциональных исследований денег, которые, в свою очередь, ее конкретизируют. Предметом первой являются

объективная сторона денег, вторая раскрывает механизмы проявления объективных закономерностей функционирования и развития денег на уровне сознательных действий индивидов. Примером такой интеграции является исследование институциональной природы денег, которое осуществили М. Аглиетта и А. Орлеан. Поскольку теория, разработанная этими авторами, не безупречна, то дальнейшие исследования в этом направлении представляются перспективными.

Причина неспособности неоклассической теории вывести деньги из ценности, как ее формулируют упомянутые французские институционалисты, состоит в следующем: «Поскольку экономика сведена только к актам обмена товарами, а сам обмен организован исключительно через рынок в лице аукциониста, постольку не может ощущаться никакой потребности в деньгах» [1, с. 60]. Рассматривая подход к обмену товаров как единственной форме связи рыночных агентов в качестве недостатка этой теории, они подытоживают: «товарный фетишизм доводится здесь до своего пароксизма» [там же, с. 26]. В «Капитале» тоже исследуется исключительно вещная форма связи товаропроизводителей посредством обмена товарами, а теория товарного фетишизма венчает теорию товарного производства вообще. Однако это не приводит его автора к выводу о том, что деньги суть только техническое средство, облегчающее обмен, не являющееся необходимым. Познать деньги можно только в абстракции от всех нетоварных форм общественной связи, но это не означает, что другие формы общественной связи несущественны и вообще не должны приниматься во внимание. В данном случае речь идет не только о конкретизации теории денег, но и о ее пределах.

Внимание на вопрос о пределах теории денег обращает Ж. Сапир. Исходя из тезиса о том, что «придание денежным отношениям роли доминирующей социальной связи базируется на упрощенном представлении об экономических связях» [24, с. 134], он утверждает: «В действительности способы функционирования экономики можно классифицировать на основе критериев, отражающих степени свободы, которыми пользуются экономические агенты в обществах, где не действует феодальный порядок: во-первых, свободу заключать контракт тогда, когда они хотят, и во-вторых, свободу заключать его с теми, с кем они хотят» [там же, с. 137]. В соответствии с этими критериями можно выделить четыре типа связей,

которые сочетаются по-разному в различных условиях. Это традиционный рынок с преобладанием денежных отношений, сеть, в которой преобладают отношения, основанные на доверии и межличностных связях, асимметричный рынок, на котором денежные отношения сосуществуют с регламентирующим принуждением, и иерархическая организация с преобладанием регламентирующего принуждения [там же, с. 138]. «Это ни в коей мере не умаляет значения денег. Нужно только (и за этим “только” стоит целая программа будущих исследований) рассматривать деньги наряду с неденежными формами связей...» [там же, с. 137].

Литература

1. Аглиетта М. Деньги между насилием и доверием [Текст] / М. Аглиетта, А. Орлеан; пер. с фр. И. А. Егорова; под науч. ред. Н. А. Макашевой. – М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. – 365 с.
2. Аникаева Е. А. Основные подходы к исследованию денег в социологии [Текст] / Е. А. Аникаева // Экономическая социология. – 2008. – Т. 9, №1. – С. 114-124.
3. Базулин Ю. В. Происхождение и природа денег [Текст] / Ю.В. Базулин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 246 с.
4. Бондарь Д. О. Марксистский метод исследования эволюции мировой валютной системы [Текст] / Д. О. Бондарь // Критический марксизм: поколение next. Новый взгляд на отчуждение, глобализацию и Россию/ Под ред. Г.Ш. Аитовой, А.В. Бузгалина, Л.А. Булавки-Бузгалиной. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 392 с.
5. Гриценко А. А. Представницька теорія грошей [Текст] / О. А. Гриценко // Вісник НБУ. – 2005. – №7. – с. 9-14.
6. Гриценко А. А. Развитие форм обмена, стоимости и денег [Текст] / А. А. Гриценко. – К.: «Основа», 2005. – 192 с.
7. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения [Текст] / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895, [1] с.: ил.
8. Зарубина Н. Н. Деньги в социальной коммуникации [Текст] / Н. Н. Зарубина // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 3-12.
9. Зелизер В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бед-

- ности и другие денежные единицы [Текст] / Вивиана Зеллизер; перевод с англ. А. В. Смирнова и М. С. Добряковой; под науч. ред. В. В. Радаева; предисловие В. В. Радаева. – М.: Дом интеллектуальной книги; Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004. – 284 с.
10. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: очерки истории и теории [Текст] / Э. В. Ильенков. – 2-е изд, доп. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
11. Колесов Н. Повышение роли золота в золотых запасах России [Текст] / Н. Колесов, О. Колесова // Экономист. – 2010. – №1. – С. 43-48.
12. Кошегулова И. Р. Денежная теория и институты [Текст] / И. Р. Кошегулова // Вестник УГАТУ, серия «Экономика». – 2009. – Т. 12, – №3(32). – С. 11-21.
13. Красавина Л. Н. Российский рубль как мировая валюта: стратегический вызов инновационного развития России [Текст] / Л. Н. Красавина // Деньги и кредит. – 2008. – №5. – С. 11-18.
14. Лемещенко П. С. Институциональная природа денег, или к основанию тайны финансового кризиса [Текст] / П. С. Лемещенко // Научные труды ДонНТУ, Серия: Экономическая. – 2009. – № 1. – С. 114-129.
15. Лемещенко П. С. Институциональный аспект современной теории денег: начало анализа [Текст] / П. С. Лемещенко // Научные труды ДонНТУ, Серия: Экономическая. – Выпуск 89-2. – С. 62-67.
16. Липов В. В. Институциональная комплементарность: деньги как институт и качественная категория хозяйствования [Текст] / В. В. Липов // Проблемы современной экономики и институциональная теория. Коллективная монография. – Донецк, 2009. – С. 262-281.
17. Ляско А. Деньги и институциональные иерархии: о поддержании доверительных отношений в сложных монетарных системах [Текст] / А. Ляско // Вопросы экономики. – 2011. – №7. – С. 34-43.
18. Маркс К. Сочинения [Текст]: в 50 т. Т. 4. / К. Маркс, Ф. Энгельс; изд. второе. – М.: Госполитиздат, 1959. – 616 с.
19. Маркс К. Сочинения [Текст]: в 50 т. Т. 25, ч. 2. / К. Маркс, Ф. Энгельс; изд. второе. – М.: Госполитиздат, 1962. – 552 с.
20. Маркс К. Сочинения [Текст]: в 50 т. Т. 42. / К. Маркс, Ф. Энгельс; изд. второе. – М.: Госполитиздат, 1974. – 536 с.
21. Маркс К. Сочинения [Текст]: в 50 т. Т. 46, ч. 1. / К. Маркс, Ф. Энгельс, изд. второе. – М.: Госполитиздат, 1968. – 560 с.
22. Розенберг Д. И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса [Текст] / Д. И. Розенберг. – М.: Экономика, 1984. – 720 с.
23. Рубин И. И. Очерки по теории денег Маркса [Текст] / И. И. Рубин // Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания / редкол.: Я. И. Кузьминов (гл. ред.), В. С. Автономов (зам. гл. ред.), О. И. Ананьин и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 671, [1] с.
24. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем: Опыт исследования децентрализованной экономики [Текст] / Ж. Сапир; пер. с фр. под науч. ред Н. А. Макашевой. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 248 с.
25. Трахтенберг И.А. Денежное обращение и кредит при капитализме [Текст] /И.А. Трахтенберг. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 783с.
26. Трофимов К. Т. Правовая природа денег. Очерк сравнительного правоведения [Текст] // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 2 (8). – С. 130-143.
27. Усанов П. В. Прошлое, настоящее и будущее золотого стандарта [Текст] / П. В. Усанов // Финансы и бизнес. – №4. – 2010. – С. 4-17.
28. Хикс Дж. Р. Теория экономической истории [Текст] / Дж. Р. Хикс ; пер с англ.; под общ. ред. и вступ. ст. Р. М. Нуреева. – М.: НП «Журнал вопросы экономики», 2003. – 224 с.

Статья поступила в редакцию 20.02.2014